

СИМВОЛ РОДИНЫ-МАТЕРИ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

.....

Рябов О. В., Рябова Т. Б.

Рябов Олег Вячеславович,
Санкт-Петербургский институт искусств и реставрации, 1
99178, Россия, Санкт-Петербург, 8-я линия Васильевского Острова, д. 83А.
Эл. почта: riabov1@inbox.ru.

Рябова Татьяна Борисовна, Ивановский государственный университет,
153025, Россия, Ивановская область, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39.
Эл. почта: riabova2001@inbox.ru.

В статье анализируется роль символа Родины-матери в формировании российской гражданской идентичности. Авторы рассматривают конструирование российской гражданской идентичности в качестве процесса проведения символических границ между «своими» и «чужими». Символ Родины-матери активно используется в идентификационных процессах. Его эффективность в качестве символического пограничника определяется как использованием метафор родства, так и опорой на историческую традицию, придающую исследуемому символу дополнительную легитимность.

Сегодня использование символа направлено, в первую очередь, на легитимацию российскости. Он укрепляет внешние символические границы, умножая сумму различий между «своими» и «чужими», прежде всего, в процессе противопоставления России Западу; авторы обращают особое внимание на роль исследуемого символа в укреплении современного российского антиамериканизма. Это относится как к идентификации себя с этим символом, так и к способам проведения символических границ с «чужими». Важным элементом национальной идентичности является не только сам материнский образ России, но и специфика отношения к стране как к матери. Кроме того, материнский символ, апеллируя к образу родства всех этносов Российской Федерации, используется в ослаблении внутренних символических границ, укреплении межэтнического единства и формировании российской политической нации. Авторы подчеркивают, что это позволяет рассматривать материнский символ страны в качестве символического ресурса формирования российской гражданской идентичности. Вместе с тем в статье обращается внимание на необходимость учитывать и его возможный дезинтегрирующий эффект: актуализируя семейную метафору, «Родина-мать» апеллирует к образу кровного родства как основе нации, что способствует актуализации идей этнического национализма.

Ключевые слова: Родина-мать, антиамериканизм, российская гражданская идентичность, символические границы, межэтнические отношения.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательских проектов РГНФ 15-03-00010 «Символ “Родины-матери” в символической политике современной России» и РГНФ 16-03-00527 «Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: Политологический анализ».

Одной из актуальных проблем современной России является формирование российской гражданской идентичности. Создание новой России предполагает обеспечение единства ее граждан, которое означает, во-первых, достижение определенного уровня социально-политической и культурной однородности (единое культурное и информационное пространство; язык; нормы поведения; система ценностей; управляемость; единое правовое поле; связи между регионами; равные возможности всех россиян вне зависимости от этнического происхождения) и, во-вторых, осознание этого единства, т.е. изменения в коллективной и индивидуальной идентичности. Иными словами, для того, чтобы Россия как целостное государство состоялась, необходимо появление россиян и «российскости».

При этом концепция «российскости» исходит из того, что деление на россиян и не-россиян является приоритетным перед всеми прочими делениями — социальными, этническими, конфессиональными, региональными. Процесс формирования российской нации, стартовавший сразу после распада СССР, особый масштаб приобрел в 2000-е гг.² Как свидетельствуют данные социологов, на этом пути достигнуты определенные успехи. В 2012–2015 гг. чувство близости с гражданами России испытывали 76% россиян (Дробижина, 2012; Дробижина, 2015); согласно исследованию ВЦИОМ, предпринятому в 2013 г., для 56% россиян приоритетной являлась именно российская гражданская идентификация (Федоров, 2013). Именно построение российской гражданской нации объявляет главной целью принятая в 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ «О Стратегии государственной национальной политики...», 2012). Вместе с тем процесс формирования российской нации сталкивается со многими проблемами. Одной из них является конкуренция со стороны других идентификационных дискурсов, включая дискурс этнического русского национализма, и важнейший аспект проблемы межэтнической гармонии связан прежде всего с русским вопросом.

Проблема имеет и символическое измерение; символы — одна из необходимых составляющих в идентичности любого сообщества. Достижение состояния коллективной идентичности как психологической сплоченности возможно лишь в едином символическом пространстве социума (Степнова, 1998). Говоря об интегративной функции социального символа, Э. Коэн подчеркнул: «Реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности... к общему полю символов» (Cohen, 1985).

² Так, на инаугурации 2004 г. В. Путин заявил, что «Мы все больше превращаемся в единую нацию». Первые же официальные декларации государственной идеологии на основе «гражданского национализма» прозвучали еще в 1994 г., когда в послании Б. Ельцина ФС РФ указывалось, что национальные проблемы будут «сглаживаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания нации как согражданства» (Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 1994).

Настоящая статья посвящена анализу такого символа, как Родина-мать. Мы рассматриваем его в качестве одного из «символических пограничников», культурных маркеров, которые используются в проведении символической границы как важнейшего компонента коллективной идентичности. Вначале мы рассмотрим формирование российской гражданской идентичности как процесс проведения символических границ. Далее, остановимся на роли символа «Родина-мать» в российской культуре. Затем речь пойдет о том, как этот символ используется в дискурсивном производстве символической границы, отделяющей россиян от внешних «чужих». Наконец, предметом анализа будет влияние символа на проведение внутренних символических границ.

Материалами исследования служат, во-первых, обсуждение в российских медиа публикации американским изданием «Business Insider» рейтинга абсурдных строений, включающего волгоградский монумент «Родина-мать зовет!» (за двухнедельный период после публикации, т.е. 29 апреля — 14 мая 2015 г.); во-вторых, данные двух серий полуформализованных интервью, проведенных в г. Иваново (2014 (N = 21), 2015 (N = 20)).

Формирование российской гражданской идентичности как процесс проведения символических границ

Русскость и «российскость» представляют собой и объективные характеристики культурной гомогенности, и дискурсы, которые — подобно всякому дискурсу — предлагают особые способы проведения символических границ между «своими» и «чужими». Интересом к проблеме символических границ социальные науки в значительной степени обязаны работам Ф. Барта, который впервые использовал конструктивистский подход для анализа социальных границ (Barth, 1969). Социальные границы, отражая объективную дискретность социального бытия, в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия не только фиксируются, но также преувеличиваются, или, напротив, преуменьшаются; социальные границы, таким образом, имеют и символическое измерение. Роль символических границ в социальных отношениях определяется их связью с такими важнейшими социальными феноменами, как власть и идентичность. Проведение символических границ является фактором, оказывающим влияние на отношения господства и подчинения, и, следовательно, может быть рассмотрено в качестве формы «символического насилия». Что касается коллективной идентичности, то ее интерпретация как в первую очередь отношения между «своими» и «чужими» определяет ключевое значение границы. При этом следует принимать во внимание гетерогенность коллективной идентичности, которая существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «наших» и «не-наших» и, соответственно, за определение нормы и девиации. Различные дискурсы утверждают символические границы между

«своими» и «чужими» на собственный манер, определяя при этом «более своих» и «менее своих», производя тем самым инаковость не только внешнюю, но и внутреннюю. На то обстоятельство, что диакритики становятся предметом острой конкуренции, связанной с проблемой власти, обратил внимание еще Ф. Барт. Борьба ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих маркеров. Различные политические группы утверждают ценность одних маркеров и ставят под сомнение значимость других различий (Barth, 1969). То есть для того, чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные, и необходимыми условиями конкурентоспособности символических границ являются их заметность и прочность. В соответствии с этим эффективные «символические пограничники» должны, во-первых, маркировать границу и быть узнаваемыми; во-вторых, «охранять» границу, делать ее «непреодолимой», легитимируя ее, придавая ей видимость естественности; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные (Рябов, Константинова, 2011). При этом следует также принимать во внимание, что в различных типах идентичности существуют различные типы инаковости. Анализируя случаи таких «других» современной Европы, как Марокко, Турция, страны Центральной и Восточной Европы, Б. Румелили показывает, что эти «другие» получают в европейской идентичности различные маркировки: они могут маркироваться либо как «анти-европейские», либо как «менее европейские». Если последние отличаются лишь в количественном отношении и могут в перспективе соответствовать критериям «европейскости», то вторые обречены отличаться от Европы благодаря таким факторам, как географическое положение или культурные традиции (Rumelili, 2004).

Действительно, для обоснования правильности собственного варианта проведения границы, придания ей прочности, нередко прибегают к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными характеристиками человека: такими как раса, этничность, язык, гендер. Скажем, гендерный дискурс, подчеркивающий отличия российских мужественности и женственности от западных, широко используется в политиках идентичности, проводимых в период президентства В. Путина (Riabov, Riabova, 2014).

В качестве процесса проведения символических границ может быть рассмотрено формирование российской гражданской идентичности. При этом происходит как приуменьшение реальных различий внутри страны, так и преувеличение внешних отличий; в частности, связанная с созданием «российскости» потребность в укреплении символических границ с внешними «чужими» выступает одним из факторов роста антиамериканских настроений в России (Рябова, Романова, 2012; Рябова, Лямина, 2007). В качестве «символических пограничников», помимо самих терминов «россияне» и «российская нация», используются репрезентации специфики российской цивилизации, будь то особенности политической системы или национального характера. В данной

ситуации дискурс российскости вступает в конкуренцию с дискурсом русскости. В рамках этого процесса подвергаются своеобразной семиотической перекодировке те символические пограничники, которые призваны маркировать русскость: теперь они обозначают «российскость».

Одним из них является символ медведя. Этот символ занимает важное место в образе России на Западе; в постсоветский период он становится популярным и в России, прежде всего благодаря его вовлечению во внутреннюю политику. Изображение медведя появляется на логотипе «партии власти» еще в 1999 г. и с тех пор используется в самых разнообразных формах политического брендинга (Рябов, 2009). При этом утверждается, что культ медведя был специфической чертой русских с древнейших времен. Кроме того, медведь позиционируется как воплощение русского национального характера; тем самым происходит апелляция к чертам воображаемой русскости: от широты души к загадочности и от долготерпения к добродушию. Однако, будучи изначально символом русскости, медведь в дискурсе «партии власти» становится «российским медведем», т.е. используется для маркировки «российскости». Такая черта медвежьего символа, как его распространенность среди не только русского, но и других этносов России (включая финно-угорские народы, народы Сибири), позволяет ослабить межэтнические границы в стране, укрепив внешние символические границы. Показательным примером является изменение герба республики Марий Эл в 2011 г.; теперь он содержит изображение медведя в короне с мечом и щитом. Мотивировалось такое изменение тем, что медведь является древним символом марийского народа (Президент Марий Эл предлагает короновать медведя, 2011).

Символ Родины-матери в российской культуре

Одним из наиболее известных и древних символов России является материнский образ Родины. Начало истории представлений о материнской сущности страны следует отнести к образу Матери-сырой земли — русскому варианту Великой Богини-матери. В дальнейшем эти представления получают выражение в образе Русской земли: в древнерусской литературе она показана как живое существо; ее изображают в женском — чаще всего материнском — облике. В XVI в. она приобретает вид Святорусской матери-земли (Святой Руси) под влиянием работ Максима Грека и Андрея Курбского. В XVIII в. получает распространение концепт Отечества, однако и образ России-матери остается востребованным. С первых изображений России в женском облике, появившихся в петровскую эпоху, берет начало трехсотлетняя история визуализации России-матушки. Этот образ становится заметным элементом культуры Российской империи; он активно используется во внешне- и внутривластной риторике. После Октябрьской революции исследуемый образ использовался по преимуществу как символ отсталости царской России, ее косности, а также национального

гнета. В середине 1930-х гг. материнский образ страны возрождается в образе Советской Родины-матери и остается одним из главных элементов символической политики советского государства на протяжении всей истории СССР (Щербинин, 2014). Распад СССР сопровождался деконструкцией символов советской эпохи, включая Родину-мать, и на протяжении 1990-х гг. образ Родины-матери использовался по преимуществу представителями левопатриотической оппозиции. Для 2000-х гг. характерна «реабилитация» властью данного образа; он широко включается в риторiku первых лиц государства (Рябов, 2007).

За свою многовековую историю данный символ превратился в значимый элемент российской культуры, что отражается в литературе, философских концепциях и визуальной культуре. На распространенность образа Родины-матери указывает и тот факт, что он получает воплощение при помощи самых разнообразных способов визуализации: мы видим его в монументальной скульптуре и мелкой пластике, на плакате и карикатуре, на монетах и банкнотах, почтовых открытках и марках, в кинематографе и театральных постановках (Рябов, 2014). О значении, которое придается данному образу гражданами России в наши дни, говорят данные соцопросов. В 2006 г. опрос, проведенный в г. Иваново, показал, что при выборе символа России половина опрошенных отдали предпочтение именно образу матери (за образы молодой девушки, мужчины-воина, отца проголосовали соответственно 16, 12 и 4%) (Воронцова, Рябов, 2007). В 2015 г. всероссийский опрос, проведенный РОМИР, дал сходные результаты: на вопрос о том, с чем ассоциируется Родина, 26% респондентов ответили: «с образом матери», 19 — «с русской женщиной», а 11% указали на образ с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовёт!» (Образ Родины — в натуре, 2015). На протяжении многих веков он использовался в различных видах дискурса (национальном, этническом, военном, гендерном, демографическом, внутривнутриполитическом, дискурсе международных отношений). Как показывают социологические исследования, образ Родины-матери сегодня ассоциируется в первую очередь с Великой Отечественной войной (Воронцова, Рябов, 2007). Родина-мать занимает важное место и в «имперском» дискурсе, оказывая влияние на репрезентацию России как полиэтнического и многоконфессионального государства. Уже в пропаганде Первой мировой войны использовался образ России как матери всех народов империи (Рябов, 2007). В советский период особо подчеркивается, что именно Октябрьская революция, уничтожившая национальный гнет, обусловила появление советской Родины-матери, для которой все народы страны являются любимыми детьми. Материнский символ играл выдающуюся роль в легитимации советской системы и являлся заметным элементом концепции многонационального советского народа.

Родина-мать и внешние символические границы

Рассмотрим, как сегодня материнский символ Родины используется в создании российской гражданской идентичности. Что касается укрепления внешних

символических границ «российскости», т.е. акцентирования отличий от внешних «чужих», то необходимо принимать во внимание, что отличие от Запада, а часто и противопоставление ему занимало важное место в российской идентичности на протяжении столетий. Одним из символов российской культуры, призванных выразить это отличие, выступает Россия-женщина, Россия-мать как воплощение смирения, бескорыстия, религиозности, иррациональности, соборности, т.е. ценностей, альтернативных западным индивидуализму, рациональности, секулярности, гордыне (Рябов, 2007).

В условиях сегодняшнего обострения отношений России со странами Запада этот символ также востребован. В наибольшей степени западные ценности для россиян воплощают США и американцы; антиамериканизм занимает важное место в политике идентичности, проводимой различными акторами сегодняшней России (Рябова, 2009; Рябова, Романова, 2012). Важным элементом национальной идентичности является не только сам материнский образ России, но и специфика отношения к стране как к Родине-матери.

Эти черты проявились во время обсуждения публикации из американского еженедельника «Business Insider», который накануне 70-летия Победы в Великой Отечественной войне опубликовал список «самых абсурдных строений советской эпохи». В число таких строений был включен и монумент «Родина-мать зовёт!», установленный в 1967 г. на Мамаевом кургане в Волгограде (The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing, 2015; Рябова, Романова, 2015).

На публикацию сочли необходимым отреагировать российские политики, чиновники, деятели культуры. Глава комитета ГД РФ по международным делам А. Пушков подчеркнул, что эта публикация не является случайностью и ее следует рассматривать в контексте информационной политики американских медиа, освещающих российскую жизнь; он напомнил о похожем случае — помещении телеканалом CNN в список самых уродливых памятников белорусского монумента «Мужество», посвященного защитникам Брестской крепости (Пушков, 2015). Министр культуры В. Мединский объяснил появление этой публикации невежеством журналистов и намекнул на то, что оно порождено особенностями американской культуры: «Смысл, заложенный в “Родину-мать”, вообще понятен... каждому цивилизованному человеку в любой стране мира. Нам нечего обсуждать с теми, кто знаком с мировой культурой преимущественно по комиксам и кому наши памятники кажутся “бессмысленными”. Неандерталец, пожалуй, тоже в этих памятниках увидел бы лишь то, что их нельзя съесть» (Мединский, 2015). И. Кобзон, заместитель председателя комитета Госдумы и вовсе заявил, что американцы не имеют права оскорблять наши памятники, «не их [американцев] свинячье дело — обсуждать архитектуру великой державы, которую мы потеряли». «Потрясающему комплексу Вучетича» он противопоставил «типичные европейские сити», которые, по его мнению, и следовало бы назвать абсурдными (Кобзон, 2015).

Публикация быстро стала популярной и в интернет-пространстве; она обсуждалась в блогах, в социальных сетях, в комментариях к данной новости на сайтах информационных агентств; и эти дискуссии позволяют выявить способы включения материнского образа страны в проведение внешних символических границ. В контексте нашего исследования важнейшим является то, что, во-первых, образ Родины-матери служит маркером идентичности, помогающим отличить «своих» от «чужих» и обосновать превосходство первых над вторыми и, во-вторых, то, что тема включалась в обсуждение особенностей отношения к родине в России и США.

Что касается первого, то, обсуждая публикацию, авторы сравнивали Россию с США, россиян — с американцами, а Родину-мать — со статуей Свободы в Нью-Йорке. Опубликовавших рейтинг журналистов и американцев в целом некоторые российские комментаторы обвиняют не только в некомпетентности, но и в нравственной ущербности, беспринципности, черствости, отсутствии уважения к сакральному.

«А чему удивляться! У Америки ничего святого: ни РОДИНЫ, ни МАТЕРИ! Только доллары» (Пушков вступился за «Родину-мать»..., 2015; The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing, 2015).

Российская Родина-мать и американская статуя Свободы становятся для интернет-пользователей символом двух совершенно различных систем ценностей. Отношение же к волгоградскому монументу является для комментаторов показателем того, как в двух культурах в целом воспринимают родину, и некоторые из них отказывают гражданам США в чувстве родины в принципе (Рябова, Романова, 2015).

Результаты интервью, проведенного в городе Иваново в 2014 г. (N = 21)³ так же, как и дискуссии о рейтинге «Business Insider», демонстрируют, что специфика патриотизма россиян и американцев является значимым «символическим пограничником». Как показало интервью, информанты считают, что отношение к своей стране американцев и россиян заметно различается, и для объяснений этих различий они часто привлекают понятие родины. Информанты расходились в оценке того, кто — американцы или россияне — являются большими патриотами, однако подавляющее число опрошенных полагали, что чувства граждан США относятся, скорее, к государству, а не к родине. Отношение граждан к своей стране как к родине, по их мнению, является особенностью России. Подчеркнем, что характеризуя отношение американцев и россиян к своей стране, информанты часто самостоятельно, без подсказки, прибегали к материнской метафоре, ассоциируя Родину с матерью.

«Россию наши люди воспринимают как мать... потому что она очень сильная и заботливая. Американцы не относятся к своей стране так же» (Елена).

³ Авторы выражают признательность Е. Лебедевой за работу с информантами.

«Нет, у них [американцев] родины-матери нет, есть только государство» (Артур).

Различие отношения к Родине американцев и россиян информанты видят в специфике их символики, при этом они предлагали развернутые объяснения преимущества российского символа над американскими.

«Потому что есть Родина-мать. Мать никогда не предаст, никогда не откажется от своих детей, потому что она сильная и заботливая. В США, например, образ супергероя. И это глупо. По моему мнению, США выдумывает какие-то свои сверхспособности и то, что она всех побеждает. Складывается ощущение, что у них нет реально существующих героев. Зато они есть в России, и никакие “Капитаны Америки” России не нужны. Образ матери подходит лучше» (Юлия⁴).

Родина-мать и внутренние символические границы

Кроме того, использование символа Родины-матери в политике идентичности власти имеет цель ослабить внутренние символические границы. Позиционирование России как матери предполагает, во-первых, постулирование органического характера связи граждан РФ и страны, что обеспечивает особый характер лояльности гражданина к государству. Данный образ активно вовлекается в риторику различных акторов; к подобному сравнению неоднократно прибегают В. В. Путин, церковные деятели, региональные лидеры, руководители политических партий. Во-вторых, Россия показывается в роли родной матери для представителей всех этносов государства; это отмечают руководители национальных республик (например, глава Чечни Р. Кадыров (Гамов, 2008)). Метафора родства, заключенная в сравнении страны с матерью, подразумевает естественную и потому неразрывную связь всех этносов РФ.

В ходе проведенного в г. Иванове интервью (2015) значительная часть респондентов высказала мнение о том, что для всех этносов РФ характерно отношение к России как к матери.

«Так уж сложилось, что у нас многонациональная страна, нас всех Родина-мать приютила» (Мария).

Разумеется, исследуемый символ будет выполнять консолидирующую функцию лишь в том случае, если эта убежденность разделяется и жителями национальных республик. Как показывают результаты интервью, проведенного в 2015 г. в Дагестане, Родина-мать воспринимается положительно большинством информантов, которые видят Россию в качестве матери и интерпрети-

⁴ Стоит подчеркнуть, что оценки информантами политики, экономики и социальной сферы США, которые были даны в ходе интервью, в значительной степени различались в зависимости от их политических взглядов. Однако в вопросе об отношении россиян и американцев к родине мнение опрошенных было практически консолидированным.

руют этот символ как «явление объединяющей государство русской культуры» (Мутаев, 2015).

Использование материнского символа в риторике «российскости» связано с конструированием этнорегиональной идентичности. Интересным примером визуализации идеи взаимосвязи РФ и этнорегионов стала установка статуй женских аллегорий в Чувашии, Бурятии, Саха-Якутии и Югре в 2000–2010-х гг. При этом такая аллегория выступает, с одной стороны, в качестве матери того или иного этноса, с другой — в качестве «дочки» по отношению к «матери России». Установка монументов становится формой символической политики, связывающей страну и этнорегион при помощи идеи родства. Этническая территория благодаря такому символическому маркеру, как монумент, вписывается в пространство России-матушки (Докучаев, 2015).

Таким образом, Родина-мать, ослабляя внутренние границы, выступает интегрирующим фактором для российской гражданской нации и легитимации «российскости». Эссенциализирующую прочность исследуемому символу придает и историческая традиция. В сознании современных россиян он связан прежде всего с советской культурой и особенно с периодом Великой Отечественной войны. Например, как следует из проведенного в Дагестане интервью, символ Родины-матери ассоциируется в первую очередь с мобилизацией военного времени (Мутаев, 2015).

Однако следует принимать во внимание и дезинтегрирующий потенциал данного символа. В дискурсе этнического русского национализма Россия рассматривается как мать прежде всего или даже исключительно русских, в то время как этнические «чужие» — касается ли это представителей отдельных этносов РФ или мигрантов — репрезентируются как угроза Родине-матери. Эта идея также имеет прочные исторические корни, которые проявились даже в советской идеологии; так, во второй половине 1930-х — начале 1950-х гг. русский народ маркировался как «первый среди равных», «старший брат» (еще в декабре 1935 г. И. Сталин назвал русский народ «первым среди равных» (Brandenberger, 2002)).

В другом интервью (Иваново, июнь 2015 г., N = 20)⁵ часть информантов высказала мнение в том, что отношение к символу Родины-матери у российских народов различается: русские, по их мнению, в большей степени воспринимают страну как мать, чем другие этносы. В национальных республиках, полагают некоторые информанты, более выражено теплое отношение к малой родине — своей республике, чем к родине большой — России.

Информанты активно обсуждали вопрос о том, существуют ли различия в отношении Родины-России к своим детям — народам, ее населяющим. Большая

⁵ Авторы выражают признательность Ю. Карушевой за работу с информантами.

часть информантов высказала мнение о том, что все народы для Родины равны; однако высказывалась и противоположная точка зрения.

«Все дети равны. Кем бы ты ни был, Родина тебя примет» (Валентина).

«Все дети родные, хотя, может быть, и ставшие детьми в разное время. Другое дело, что дети между собой иногда пытаются выяснить, кто ближе — это неправильно» (Илья).

Попробуем подвести итоги. Важной составляющей формирования российской гражданской идентичности является проведение символических границ между «своими» и «чужими». Символ Родины-матери активно используется в идентификационных процессах. Его эффективность в качестве символического пограничника определяется как использованием метафор родства, так и опорой на историческую традицию, придающую исследуемому символу дополнительную легитимность.

Сегодня использование символа направлено в первую очередь на легитимацию «русскости». Он укрепляет внешние границы, умножая сумму различий между «своими» и «чужими». Это относится как к идентификации «своих» с этим символом, так и к способам проведения символических границ с «чужими». Важным элементом национальной идентичности является не только сам материнский образ России, но и специфика отношения к стране как к матери. Использование образа России-матери представителями всех этносов страны направлено на ослабление внутренних символических границ и укрепление межэтнического единства. Таким образом, можно говорить о материнском символе страны как о ресурсе формирования российской гражданской идентичности. Необходимо вместе с тем учитывать и его возможный дезинтегрирующий эффект. Актуализируя семейную метафору, Родина-мать апеллирует к образу кровного родства как основе нации, что способствует актуализации идей этнического национализма.

Библиографический список

1. Воронцова, Е. О., Рябов, О. В. (2007). Представления ивановцев о Родине и Отечестве (к вопросу о гендерных аспектах патриотизма). В О. В. Рябов (ред.) *Границы: Альманах центра этнических и национальных исследований ивановского государственного университета*. Вып. 1. (с. 86–96). Иваново: Ивановский государственный университет.
2. Гамов, А. (2008, сентябрь 24). Рамзан Кадыров: «Россия — это матушка родная». *Комсомольская правда*. Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24169/380743/>
3. Докучаев, Д. С. (2014). «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике. *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*, 4, 82–95.
4. Дробужева, Л. М. (2015). *Российская идентичность в массовом сознании*. Режим доступа: valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc.

5. Дробижева, Л. М. (2012). Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ. *Вестник Российской нации*, 4–5, 17–34.
6. Кобзон, И. (2015, Апрель 30). Не американское свинячье дело — критиковать Родину-мать. *НСН. Национальная служба новостей*. Режим доступа: <http://nsn.fm/culture/ne-ikh-svinyache-delo-kritikovat-rodinu-mat.php>.
7. Мединский: оценивать «Родину-мать» надо с учетом истории и культуры (2015, Апрель 30). *РИАновости*. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20150430/1061923413.html#14466444973684&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration>.
8. Мутаев, У. К. (2015). Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана: (на материале интервью). *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*, 4, 126–135.
9. Образ Родины — в натуре (2015, Сентябрь 29). *РОМИР*. Режим доступа: http://gomir.ru/studies/709_1442955600/
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. (1994. Февраль 24). *Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)*. Режим доступа: <http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow.asp?DocumID=136423&DocumType=0>
11. Президент Марий Эл предлагает короновать медведя (2011, Январь 20). *Клуб регионов*. Режим доступа: http://club-ef.ru/news/respublika-mariy-el/prezident_mariy_el_predlagaet_koronovat_medvedya/
12. Пушков вступился за «Родину-мать», которую высмеял Business Insider. (2015, Апрель 30). *РИАновости*. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150430/1061787229.html#14466524006334&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration/>
13. Пушков, А. (2015, Апрель 29). *Твиттер*. Режим доступа: https://twitter.com/alexey_pushkov/status/593506830401216512
14. Рябов, О. В. (2009). Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе. *Неприкосновенный запас*, 1, 195–211.
15. Рябов, О. В. (2007). *«Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века*. Stuttgart, Hannover: Ibidem.
16. Рябов, О. В. (2014). «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России. *Вестник Тверского государственного университета*, Серия: История, 1, 90–113.
17. Рябов, О. В., Константинова, М. А. (2011). «Русский медведь» как символический пограничник. *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*, 6, 114–123.
18. Рябова, Т. Б. (2009). *Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ*: дис... д-ра социол. наук. Иваново.
19. Рябова, Т. Б., Лямина, А. А. (2007). «Антиамериканизм по-ивановски»: к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов, В О. В. Рябов (ред.) *Границы: Альманах центра этнических и национальных исследований ивановского государственного университета*. Вып. 1. (с. 75–86). Иваново: Ивановский государственный университет.
20. Рябова, Т. Б., Романова, А. А. (2012). Гендерное измерение российского антиамериканизма (к постановке проблемы). *Женщина в российском обществе*, 3, 21–35.

21. Рябова, Т. Б., Романова, А. А. (2015). «Родина-мать» как культурно-символический ресурс современного российского антиамериканизма. *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*, 4, 168–183.
22. Степнова, Л. А. (1998). Социальная символика России. *Социологические исследования*, 7, 90–100.
23. Указ № 1666 от 19.12.2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2012). Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4346a9150dd12eda4.pdf>
24. Федоров, В. (2013). *Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы*. Москва: ВЦИОМ.
25. Щербинин, А. И. (2014). Политический праздник: концепт и коммуникация. *Политическая концептология*, 3, 45–59.
26. Barth, F. (1969). Introduction. In F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967* (p. 9–38). Little, Brown: Boston.
27. Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge: Harvard university press.
28. Cohen, A. (1985). *The Symbolic Construction of Community*. London-New York: Routledge.
29. Riabov, O. & Ryabova, T. (2014). Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, 4 (2), 23–35.
30. Rumelili, B. (2004). Constructing identity and relating to difference: Understanding the EU's mode of differentiation. *Review of international studies*, 30 (1), 27–47.
31. The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing (2015, April 29). *Business Insider*. Retrieved from: <http://www.businessinsider.com/soviet-buildings-from-the-mid-20th-century-2015-4#>.

Статья поступила в редакцию 12.02.2016.

.....

SYMBOL OF THE "MOTHERLAND" AS A RESOURCE OF FORMING THE RUSSIAN CIVIC IDENTITY

Ryabov O. V., Ryabova T. B.

Ryabov Oleg Vyacheslavovich, St. Petersburg Institute of Art and Restoration, 83A, 8th Line of Vasilyevsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia. E-mail: riabov1@inbox.ru.

Ryabova Tatyana Borisovna, Ivanovo State University, Ivanovo region, 39 Ermak st., Ivanovo, 153025, Russia. E-mail: riabova2001@inbox.ru

The paper deals with the analysis of the Motherland symbol in forming Russian civic identity. The authors consider formation of Russian civic identity as a process of drawing the symbolic boundaries between “us” and “them”. The symbol of Motherland is actively employed in the identification processes. Its effectiveness as a symbolic borderguard is caused by using of the metaphor of kinship as well as appealing to historical tradition, that raises the legitimacy of the symbol.

Today exploiting the symbol is aimed at legitimation of Russian civic identity. The authors point out that this symbol serves as a “symbolic borderguard” which is employed in strengthening the external symbolic boundaries and juxtaposing Russia to the West, in particular, the USA. It manifests itself in Russian citizens’ identification with the symbol as well as in

the ways of drawing the symbolic boundaries between “us” and “them”. Another important element of the national identity, apart from the image of Russia as the mother, is a peculiar attitude towards the country as towards the mother. Besides, the article demonstrates that the symbol, being the image of affinity of all the ethnoses, is used in weakening the internal symbolic boundaries and strengthening the interethnic ties. The authors emphasize that this makes possible to consider the mother symbol of the country as a symbolic resource of forming the Russian civic identity. At the same time the article notes the necessity to take into account the fact that employing the symbol can become a tool of disintegration of Russia. The “Motherland” appeals to the idea of kinship as the essential of the nation; it might lead to actualization of the ideology of ethnic nationalism.

Key words: Motherland, Anti-Americanism, Russian civic identity, symbolic boundaries, interethnic relations.

References

1. Vorontsova, E. O. & Ryabov, O. V. (2007). Predstavlenija ivanovcev o Rodine i Otechestve (k voprosu o gendernyh aspektah patriotizma). [The views of Ivanovo citizens on the motherland and the fatherland (on the gender aspects of patriotism)]. In O.V. Ryabov (ed.) *Granicy: Al'manah centra jetnicheskikh i nacional'nyh issledovanij ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Boundaries: Miscellany of the Center for Ethnic and National Studies in Ivanovo State University]. Vyp.1. (s. 86–96). Ivanovo: Ivanovo State University.
2. Gamov, A. (2008, September 24). Ramzan Kadyrov: «Rossija – jeto matushka rodnaja» [Ramzan Kadyrov: Russia is the mother]. *Komsomolskaiia pravda*. Retrieved from: <http://www.kp.ru/daily/24169/380743/>
3. Dokuchaev, D. S. (2014). "Dochki-materi": zhenskie allegorii jetnoregionov Rossii v postsovetsoj monumental'noj ritorike ["Mothers and daughters": Female allegories of Russia's ethnic regions in the post-Soviet monumental rhetoric]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Sciences], 4, 82–95.
4. Drobizheva, L. M. (2015). *Rossijskaja identichnost' v massovom soznanii* [Russian identity in mass consciousness]. Retrieved from: valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc
5. Drobizheva, L. M. (2012). Rossijskaja identichnost' i soglasie v mezhjetnicheskikh otnoshenijah: opyt 20 let reform. [Russian identity and concord in interethnic relations: experience of the reforms of the recent 20 years]. *Vestnik Rossijskoj natsii* [Bulletin of Russian nation], 4–5, 17–34.
6. Kobzon, I.: Ne amerikanskoe svinjach'e delo – kritikovat' Rodinu-mat'. [It is not the business of Americans to criticize monument "The Motherland Calls!"] (2015, April 30), *NSN. Natsional'naia sluzhba novostei* [National news service]. Retrieved from: <http://nsn.fm/culture/ne-ikh-svinyache-delo-kritikovat-rodinu-mat.php>
7. Medinskij: ocenivat' "Rodinu-mat'" nado s uchetom istorii i kul'tury [Medinskii: Monument "Motherland" should be evaluated taking history and culture into consideration]. (2015, April 30), *RIAnovosti* [RIA]. Retrieved from: <http://ria.ru/society/20150430/1061923413.html#14466444973684&message=resize&relto=logIn&action=removeClass&value=registration>.
8. Mutaev, U. K. (2015). Simvol Rodiny-materi glazami zhitelej Dagestana: (na materiale interv'ju). [The symbol of the Motherland in the eyes of Dagestan citizens (based on the

- interview)]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Sciences], 4, 126–135.
9. *Obraz Rodiny – v nature* [Image of the Motherland in nature]. (2015, September 29). *ROMIR*. Retrieved from: http://romir.ru/studies/709_1442955600/
 10. *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju (1994. Fevral' 24). Ob ukreplenii Rossijskogo gosudarstva* (Osnovnye napravlenija vnutrennej i vneshnej politiki). [Address of the RF President to the Federal Assembly: On Strengthening of the Russian State (Main directions of domestic and foreign politics)]. Retrieved from: <http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow.asp?DocumID=136423&DocumType=0>
 11. Prezident Marij Jel predlagaet koronovat' medvedja [President of Mari El suggests to coronate a bear] (2011, January 20). *Klub regionov* [Club of regions]. Retrieved from: http://club-rf.ru/news/respublika-mariy-el/prezident_mariy_el_predlagaet_koronovat_medvedya/
 12. Pushkov vstupilsja za "Rodinu-mat'", kotoruju vysmejaj Business Insider [Pushkov intercedes for "The Motherland Calls!" which was mocked by Business Insider]. (2015, April 30). *RIAnovosti* [RIA]. Retrieved from: <http://ria.ru/world/20150430/1061787229.html#14466524006334&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration/>
 13. Pushkov, A. (2015, April 29). *Twitter*. Retrieved from: https://twitter.com/alexey_pushkov/status/593506830401216512
 14. Ryabov, O. V. (2009). Ohota na medvedja: O roli simbolov v politicheskoj bor'be [Bear hunting: on the role of symbols in political struggle]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserves], 1, 195–211.
 15. Ryabov, O. V. (2007). *"Rossija-Matushka": nacionalizm, gender i vojna v Rossii XX veka*. ["Mother Russia": nationalism, gender, and war in the Russia of XX century]. Stuttgart, Hannover: Ibidem.
 16. Ryabov, O. V. (2014). "Rodina-Mat" v istorii vizual'noj kul'tury Rossii [The "Motherland" in the Russian visual culture]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija* [Tver State University Bulletin. Series: History], 1, 90–113.
 17. Ryabov, O. V. & Konstantinova, M. A. (2011). "Russkij medved" kak simbolicheskij pogranichnik. [The "Russian bear" as a Symbolic Borderguard]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk* [Works of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science], 6, 114–123.
 18. Ryabova, T. B. (2009) *Gendernye stereotipy v politicheskoj sfere sovremennogo rossijskogo obshchestva: sociologicheskij analiz* [Gender stereotypes in contemporary Russian politics: Sociological analysis]. Doctoral dissertation. Ivanovo.
 19. Ryabova, T. B. & Liamina, A. A. (2007). "Antiamerikanizm po-ivanovski": k voprosu o gendernom izmerenii jetnicheskikh stereotipov [Anti-Americanism in Ivanovo style: on gender dimension of ethical stereotypes]. O.V. Ryabov (ed.) *Granicy: Al'manah centra jetnicheskikh i nacional'nyh issledovanij ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Boundaries: Miscellany of the Center for Ethnic and National Studies in Ivanovo State University]. Vyp.1. (s. 75–86). Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet. Ivanovo: Ivanovo State University.
 20. Ryabova, T. B. & Romanova, A. A. (2012). Gendernoe izmerenie rossijskogo antiamerikanizma (k postanovke problemy) [Gender dimension of Russian anti-Americanism: statement of the question]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society], 3, 21–35.

21. Ryabova, T. B. & Romanova, A. A. (2015). "Rodina-mat'" kak kul'turno-simvolicheskij resurs sovremennogo rossijskogo antiamerikanizma. [The "Motherland" as a cultural and symbolic resource of the contemporary Russian anti-Americanism]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Sciences]5, 168–183.
22. Stepnova, L. A. (1998). Social'naja simvolika Rossii. [Social symbols of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 7, 90–100.
23. Ukaz № 1666 ot 19.12.2012 g. "O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda" [Order on the National Policy Strategy of the Russian Federation through to 2025] (2012). Retrieved from: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4346a9150dd12eda4.pdf>
24. Fedorov, V. (2013). *Sovremennaja rossijskaja identichnost': izmerenija, vyzovy, otvety* [Contemporary Russian identity: dimensions, challenges, answers]. Moscow: WCIOM.
25. Shcherbinin, A. I. (2014). Politicheskij prazdnik: koncept i kommunikacija [Political holiday: concept and communication]. *Politicheskaja kontseptologija* [Political conceptology], 3, 45–59.
26. Barth, F. (1969). Introduction. In F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967* (p. 9–38), Little, Brown: Boston.
27. Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge: Harvard university press,
28. Cohen, A. (1985). *The Symbolic Construction of Community*. London-New York: Routledge.
29. Ryabov, O. & Ryabova, T. (2014). Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin. *Problems of Post-Communism*, 4 (2), 23–35.
30. Rumelili, B. (2004). Constructing identity and relating to difference: Understanding the EU's mode of differentiation. *Review of international studies*, 30 (1), 27–47.
31. The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing (2015, April 29). *Business Insider*. Retrieved from: <http://www.businessinsider.com/soviet-buildings-from-the-mid-20th-century-2015-4#>